- И он не выпил ни капли вина? - спросил юноша.

Нед склонил голову; они шагали длинными шагами до последнего пролета лестницы.

- Он говорил, что не нуждается в выпивке. Он… - Нед запнулся; улыбка на губах выглядела слишком грустной,

– Говорил, что свежий воздух и так пьянит не хуже летнего вина.

Джоффри буркнул, уставившись в пол, когда они вышли в коридор. Сэр Барристан сторожил у дверей, он держал их открытыми, чтобы мать могла выйти. Глаза Мирцеллы покраснели, а Томмен плакал не скрываясь.

Не ты ли приложила к этому руку? Подумал Джоффри, глядя на мать. Однако Серсея выглядела такой же шокированной, как и он, ее глаза нервно дергались между всеми присутствующими, словно пытаясь предугадать предстоящие действия. Они остановились на нем, когда юноша подошел к сэру Барристану.

- Джоффри…

- Матушка, - сказал он. Ее аж передернуло от его взгляда, и принц моргнул, взглянув вниз на Томмена и Мирцеллу; женщина тоскливо обнимала дочь. Нет. На этот раз Серсея не убивала Роберта.

– Все будет хорошо, Томмен, - начал он, нежно коснувшись щеки брата и посмотрев прямо в глаза,

- Все будет хорошо,- повторил юноша, отчего мальчик на минуту перестал дрожать. Мирцелла слегка кивнула ему, и он попытался морально подготовиться к неизбежному. В воздухе чувствовались едва слышные намеки на гнилую вонь, когда Джоффри вошел в королевскую спальню.

Ставни были широко открыты, и солнечный свет купал в себе Роберта Баратеона, который лежал на смертном ложе. Брови короля были мокрыми от пота, лицо побледнело, пока он смотрел на солнце, на смотря более ни на что в мире. Монарх повернул голову и показалось, что его переполнила странная энергия, когда он увидел Джоффри.

- Сын! Как раз вовремя, черти, – сказал он, попытавшись опереться на локоть,

– Где ты его нашел, Нед? Там, где он лупит по головам этим своим рыцарям?

– Можно и так сказать, - сказал Нед, усаживаясь в кресло сбоку от кровати. Джоффри сел возле Роберта, на кровать. Юноша скривился, посмотрев под одеяло и обнаружив пропитанные кровью перевязки вокруг живота Роберта.

– Этот гребаный кабан, - пробормотал он. Ирония ситуации была очевидной. Первая смерть Роберта Баратеона была вызвана кабаньими клыками, и такой же будет последняя.

- Величайший из всех, мною виденных за всю жизнь. Это было невероятно, – сказал Роберт,

– Тебе следовало бы быть там… Увидел бы своего старика, каким он был когда-то, - добавил король, снова ложась на спину, и выкашлял что-то красное в платочек, зажатый в ладони.

Джоффри вздохнул, также откидываясь назад:

- Ты все-таки безудержный старый дурак, тебе это известно?

- Хех. Яблоко от яблони недалеко упало, – ответил Роберт,

– Хотя голова того кабана, повешенная на стене, будет выглядеть значительно лучше, чем голова Горы, то уж точно, черти! - он засмеялся хрюкающим смехом, не сильно отличавшимся от звуков убившего его зверя.

Улыбка Джоффри в ответ мгновенно увяла:

– Роберт…

– Нед, оставь нас на минутку, будь добр.

Нед поморщился, вставая, и взглянул на Роберта долгим взглядом. Король буркнул:

– Мы с тобой уже попрощались, ты, благородный дурак, – сказал он, скрывая улыбку.

– Да, старый друг, - ответил Нед через мгновение. Он поклонился Роберту, и король кивнул в ответ.

– А, еще кое-что, Нед, - воскликнул Роберт, прежде чем десница успел выйти из комнаты. Эддард остановился у двери, обернувшись.

- Не забудь, что я тебе сказал про ту проклятую свинью и про мои похороны!

Нед засмеялся, как будто против собственного желания:

– Я говорил, что мы приготовим кабана так, как тебе нравилось, но не буду врать сейчас, Роберт. Я прикажу испечь мясо так, чтобы оно хорошо прожарилось.

Выражение лица Роберта напоминало грозовую тучу:

- Вы, дикие северяне! Никакого уважения к последнему желанию, - сказал он, и они оба разом захохотали, так словно между ними проскочило что-то невысказанное. И если их глаза в этот миг чуточку заблестели, то это видимо было в воображении Джоффри.

Над закрыл за собой дверь, и Джоффри развернулся, обнаружив, что глаза Роберта четко сосредоточены на нем; в них не виднелось ни тени веселья.

– Ты перестал называть меня отцом с момента нашего отбытия в Винтерфелл, - молвил король через минуту.

Сердце Джоффри стучало словно гонг, и он ухватился пальцами в одеяло, словно моряк в спасительную нить, одновременно наклонившись вперед.

- Роберт, я…

– Нет, нет, все в порядке, - ответил тот, качнув головой. Король перевел взгляд к солнцу, что сияло сквозь окно, с намеком на улыбку на устах:

– Боги мне свидетели, что Нед Старк станет тебе лучшим отцом, чем я когда-либо мог быть.

– Ты… – Джоффри прочистил горло,

– Ты неплохо справлялся. Мирцелла растет умной, сильной девочкой. И Томмен вырастет, станет мужчиной, которым ты бы гордился. Я обещаю.

Роберт перевел взгляд на принца:

– И я верю этому обещанию, верю сильнее, чем верю в Отца Небесного. Это убеждение в твоем голосе... оно такое сильное, что как будто имеет физический вес, – улыбка на устах увяла,

– Томмен, Мирцелла... И ты, крупнейший мое наследство, которое я оставляю в этом проклятом городе, – он замолчал, с непониманием качая головой,

– Это было так внезапно, как будто за один день. Из развращенного щенка до воплощения всего, чем ты должен был бы быть.

Джоффри открыл рот, но Роберт махнул к нему пятерней:

– А ну помолчи, черт возьми, сын должен выслушать последние слова своего отца.

Сын, подумал юноша с гримасой на губах. Разве может он позволить Роберту умереть, не узнав правды? После этого жизни уже не будет новых, другого шанса уже не будет. Он сжал кулаки, побледнев от внутреннего напряжения.

- Как будто за один день, - повторил король,

- Мастер на мечах и булавах, воспитанный юный человек, излучающий уверенность как бы изнутри, вместо того, чтобы получать ее извне. Ты уже бывал на поле боя, не так ли? - возмущенные голубые глаза пересеклись с джоффриными; из глубин того голубого океана поднимался Демон трезубца.

Джоффри задержал дыхание, борясь с взглядом Роберта, прежде чем вздохнуть.

– Да, – сказал он.

Роберт словно сразу обмяк, словно только что сбросил значительную тяжесть.

- Это было в течение той ночи, через пару дней после смерти Джона. Что-то случилось с тобой. Что-то величественное и ужасное.

– Я видел сон, – прошептал Джоффри,

– В том сне я прожил тысячу жизней и начал ненавидеть то, кем был раньше.

Роберт кивнул.

- Там была война? - спросил он после продолжительной паузы.

Джоффри закрыл глаза, тяжело дыша:

– Великая и ужасная.

– Великая и ужасная, – повторил Роберт, глубоко вдохнув,

– Ты смог собрать все в двух словах, разве нет? Тот трепет за каждым ударом молота, тот пыл, что заставляет тебя чувствовать себя неуязвимым. Непобедимым.

– А потом ты оглядываешься, – сказал Джоффри, открыв глаза, – И осознаешь, что ты натворил.

- Погибшие друзья и старые жалости, – продолжил Роберт, сморщившись, когда менял положение в постели. Король положил руки на одеяло, примерно на то место, где кабан ранил его:

– А тогда ты смотришь на всех тех зеленых мальчишек, играющих в войну, и осознаешь, что не можешь сделать ничего, чтобы остановить войну. Чтобы остановить цикл. Ты только можешь попробовать...

- Попытаться убедиться, что они не погибнут, когда придет время, – закончил Джоффри.

Роберт буркнул:

– Так вот почему ты взял тех "Серебряных Рыцарей" в свое крыло?

– Да, кроме других начинаний, – согласился принц, медленно кивнув,

– Нам понадобится новая порода рыцарей, чтобы пережить грядущее.

– Новая порода людей, – сказал Роберт,

– Так вот почему ты всем этим занимаешься, а? Эти твои Черноводные цеха. Вся та юная знать, что ты за собой таскаешь. Все те хорошенькие картины, что выходят из-под рук свиты Сансы. Как называлось то полотно, которое ты расположено что-то в Драконьей яме? Там, где присутствуют рыцари, рабочие и фрейлины? Там, где они все вместе смотрят на утреннее солнце.

- Вместе, - сказал Джоффри.

- Вместе, – повторил Роберт, глядя на потолок,

- Интересно, что же за ужасное зрелище ты должен был увидеть той ночью. Врага, который будет угрожать этому новому великому и ужасному Вестероса, чей фундамент ты сейчас строешь.

– Врага, которого мы утопим в море стали, огня и ярости, – пояснил Джоффри; воротничок на шее невероятно натянулся, когда он склонился еще ближе.

- Вот опять это убеждение, – сказал король с вялой улыбкой, - однако ты не пообещал победы.

Джоффри прикусил губу:

- Потому что я не могу.

Роберт побледнел как мел, однако все же улыбнулся, сделав очередной глубокий вдох:

– Мудро с твоей стороны, – его руки дрожали, и Джоффри внезапно поймал их, пытаясь успокоить тремор своими ладонями. Они ощущались холодными.

- Помоги мне встать, – сказал Роберт, напрягаясь в попытке встать с постели. Он выглядел таким исхудавшим, таким другим от фигуры из детских воспоминаний Джоффри. Юноша помог ему подойти к двум креслам у окна, которые были под прямыми солнечными лучами.

- Той ночью, - сказал Роберт через минуту, когда они уже сидели друг подле друга; голос монарха звенел от уже безудержного тремора:

– Ты видел, что… что лежит за..? - он запнулся, голубой шторм в глазах словно затих.

Лежит за пределами.

Джоффри крепко схватился за ладонь Роберта, поднимая ее себе до подбородка и держа возле себя:

– Возможно, – сказал он через мгновение,

– Мы всегда рассматривали это, как нечто совершенно отличное. Семь Небес. Вечный Рассвет. Зеленый сон. Что-то за пределами нашего мира.

Уголки его рта начали приподниматься. Джоффри также отметил растущее убеждение в своем собственном голосе, хмуря брови и пытаясь объяснить это ему и самому себе.

- Но на самом деле все не так. Это здесь. Это сейчас, – он нахмурился, держа ладонь Роберта, как бесценный талисман,

– Оно вокруг нас. И внутри нас.

– Здесь… - прошептал Роберт. Он широко улыбнулся, задействовав мышцы всего лица, одновременно расслабившись под солнцем,

– Мне никогда не суждено жить внутри мрачной крепости, – он фыркнул, щурясь под лучами,

– Я предпочитаю солнцу над головой.

Джоффри улыбнулся вместе с ним:

– Знаю.

– Я когда-нибудь тебе говорил, что горжусь тобой, парень? Там, в том сне?

Джоффри опустил глаза, зажмурившись, и глубоко вдохнул, пока в горле застрял какой-то комок, а Красная Комета пересекала линию солнечных лучей, полыхая оранжевым.

– Я… Не… не такими словами.

– Я горжусь тобой, - провозгласил Роберт.

Юноша вздохнул. В глазах чувствовалась влага, ослепительный свет казался слишком ярким, чтобы долго смотреть.

Он обернулся, чтобы взглянуть на Роберта, и с удивлением обнаружил, что в голубых глазах тоже блестела влага. Видимо сегодня солнце особенно ярко светит.

- Можно попросить тебя об одолжении? - спросил Роберт.

- О чем угодно.

– Принеси мне боевой молот, будь добр? Он лежит под кроватью.

Джоффри поднялся и пошел туда за оружием. Он с секунду смотрел на здоровенный молот, прежде чем почтительно поднять его. Молот ощущался легким в руке, когда юноша шел назад, звучание оружия в песне казалось медленным и уверенным.

- Роберт. Есть кое-что, о чем ты должен знать.

Принц присел возле кресла.

- Роберт? - спросил он снова, хватая его за руку.

Король смотрел сквозь окно, голубые глаза до сих пор напоминали море. Джоффри глубоко вдохнул и бессильно откинулся назад. Он поставил молот вертикально, между бедрами Роберта, обхватив оружие ладонями короля; голова молота достигала груди.

Роберт Баратеон уже не дышал, но Джоффри до сих пор мог ощущать его присутствие. Хотя видимо слово "присутствие" было здесь неуместно. Жизнь короля вызывала турбулентность. Меняло ритм. Ритм вплетался в песню благодаря его действиям; вроде как волны, перекатывавшиеся по поверхности Сумеречного моря.

Словно отпечаток, подумал Джоффри, становясь на ноги. Словно сумма последствий за действия, вызванные в течение жизни.

Можно даже назвать это духом, подумал он, в последний раз бросая взгляд на Роберта и причудливо улыбнувшись. Волнами, которые никогда так и не исчезают бесследно, растягиваясь в бесконечность благодаря влиянию причины их появления.

- Здесь и сейчас, Роберт. Здесь и сейчас, – проговорил он, касаясь плеча короля. Это же своеобразная форма бессмертия, так сказать. Нота в вечной симфонии.

Он вышел из покоев Роберта, осторожно захлопнув дверь.

- Как там король? - спросил Сэр Барристан; седые брови нахмурились с тревогой.

Хранилище энергии приближалось, Джоффри уже мог чувствовать, как величественные красные струи просачиваются из его глубин; яростная буря рвалась наружу, давя изнутри на молчаливое море кристаллов, которое медленно крутилось вокруг оси. Начало конца уже близилось.

– Король умер, – сказал Джоффри.

Глаза сэра Барристана расширились, а затем сузились с глубинным убеждением.

– Да, здравствует король, - ответил он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/2011804